

Терьер Wi

Заплатки до вчера не подождут?

<https://litres.ru/74598508>

SelfPub; 2026

Аннотация

Встаёшь в пять утра с диким недосыпом, глушишь дешёвый кофе по акции и прёшься пахать до двух ночи. Обычная серая бытовуха. Антонина думала, что это её личный предел безысходности.

Но в одно утро привычная серость начинает вибрировать на чужой частоте. Погода сбоит, кроша матрицу на куски, а рассудок напяливает лапы и плывет охлаждаться в унитаз. В истории браузера всплывают жуткие запросы. Ловушка захлопнулась: мир вокруг плавится, и ты больше не хозяин своим мыслям, страхам и здравому смыслу.

Место, в котором ночные кошмары сбываются на раз-два. Знакомый каждому работяге страх в час пик: «А что, если меня сейчас вытолкнет толпа в метро и разрежет пополам электричкой?» В этом мире об этом даже думать не стоит. Подумал — получи расписку.

Собственные воспоминания Тони переписываются на ходу, не давая опереться на опыт. Парад принятых решений ни к чему не

приводит, а петля абсурда закручивается туже. Цена выживания — неподъемно дорога. Готов узнать, доедет ли Тоня до конечной?

Содержание

ОТ АВТОРА: ВАЖНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К АННОТАЦИИ.	6
Глава 1. ЛИВЕНЬ В -10.	7
Глава 2 Ползуций Тягобус.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Терьер Wi
Заплатки до вчера
не подождут?**

ОТ АВТОРА: ВАЖНОЕ ДОПОЛНЕНИЕ К АННОТАЦИИ.

Жёсткий, бескомпромиссный сюр, мистический и психологический триллер для тех, кто устал от прилизанных штамповок и хочет грязного неформата, выбивающего воздух из лёгких и ломающего об колено твой рассудок, велком сюда.

График выхода глав:

каждые 3-4 дня. Первые 4 главы — бесплатно. Залетай в черновик, пока система не переписала и твои мозги!

Глава 1. ЛИВЕНЬ В -10.

Тоня просыпается в холодной одинокой квартире. Утро вторника её не радует. Противный писк будильника давит на мозг, а очередной вынужденный подъём в пять утра лишь добавляет уныния в общий строй недовольства.

За окном крупно бьёт серый дождь — частый гость такого же серого города. Взгляд девушки устремляется туда; её с трудом разомкнутые веки, видя это, резко закрываются обратно. Но усилием воли, понимая, что так оставлять дело нельзя, Тоня открывает их вновь, что приносит чувство неправильности и неоправданности происходящего.

В голове гудит, как в стальном желудке холодильника «Зил». Ну да и неудивительно — как ещё крыша от такого графика не поехала? Глаза сами находят на маленьком прикроватном столике её бейдж со строго официально написанным именем: Антонина.

Мысли девушки начинают её есть. Антонина... Как можно было так назвать человека? Взяли Антона, присобачили на скорую руку Нину, и вот, пожалуйста, — Антонина! Кто такая эта Антонина? Гермафродит, помесь Нины и Антона, средне-промежуточный результат между ними? Может, родители не смогли договориться, и теперь я вынуждена ходить с именем, сшитым грубыми нитками из неподходящих друг другу лоскутов?

Вот почему Кира — это Кира, Мира — это Мира? Они не ощущаются как конструктор из Иры и разных букв алфавита! А я — Франкенштейн в юбке, блузке и с подносом в руках. А это сокращение... Тоня — Батоня! Всплыла колкая фраза мальчиков из детства.

Из раздумий её вырвал очередной мерзкий визг будильника. Девушка подняла глаза. Взгляд скользнул по зеркальной двери разошедшегося шкафа. Пыль, паутина... Откуда они тут? «Я не могла так запустить свой дом. Или могла?» — Тоня не узнавала стены родного дома, уют выветрился из него через открытую форточку.

Тоня встала. В ногах не было силы, варикозные вены были так, что любой терьер позавидует. Голова гудела, недосып в хронической форме с удовольствием напоминал о себе. А ведь ей всего-то двадцать шесть. Она двинулась заваривать себе дешёвый кофе три-в-одном.

Пройдя мимо зеркала в ванной и умывшись, она оценила внешний вид: лицо измотано, осунулось, черты заострились, под глазами синяки, мимические морщины, тонкие обветренные губы мелко дрожали. М-да, лет тридцать, не меньше. Где моя хваленая генетика?

Чайник вскипел. Отставив щётку в сторону, Антонина переместилась на кухню, подумав при этом: «Лучший работник месяца пьёт кофе три-в-одном! Успех! Сразу видно — устроилась как надо». Поставив чашку на стол, быстро проверила содержимое сумки. Всё на месте. Ну, хоть домовый

не шалит и не клептоманит мой ключ.

Погода за окном располагала пойти спать или, на крайний случай, усесться с печеньем и чаем напротив ноута, врубить весёлое кинцо и перевести дух после тяжёлой недели.

«Нельзя», — оборвала себя Тоня и поплелась менять мятую футболку и потрёпанные жизнью штаны на глаженую блузку и юбку-карандаш. «Где-то здесь были пластыри», — мельком пронеслось в гремящей голове. Встаёшь в пять, па-шешь как лошадь, часто остаёшься сверх аж до двух ночи, берёшь чужие смены — больше-то некому.

«Вся надежда на тебя, Тонечка», — всплыл в воспомина-ниях слащавый и мерзкий голосок начальника. А платят на две пачки дошика и три пакета кофе по акции, думала де-вушка, закрывая створки косого, пахнущего старостью шка-фа, двери которого немилосердно скрипели.

Ливень. К тому же — минус десять. Отврат. Хорошая по-года свалила на праздник к чертям, и возвращаться не пла-нировала : мороз и не думал закругляться, а с неба всё так же хлещет гадкая, ледяная хмарь, вместо того чтобы падать нормальным снегом. Идти в капронках под ним, ехать в душ-ном метро и набитом битком автобусе — это то, чего она хо-тела? Ради этого она училась и заканчивала экономический?

Её уже знобило от вечного недосыпа, от того, чего она не могла сказать даже себе, хотя бы в душе. «Ладно, я знаю, ради чего это всё. Такие моменты есть у всех», — грустно посмотрев на насморк улицы, подумала она.

За окном бахнула гроза. Что-то внутри девушки сильнее начало сопротивляться выходу на сегодняшнюю смену. Допитая чашка от порошкового гастрита прыгнула в раковину. Бейдж прилип к рубашке серой скучной коркой, как погода за окном. Хотя нет, вон уже разгорается... Мелькнула мимолётная мысль, как раскат грома.

Девушка отвлекается от погоды и самокопания, решив посмотреть смены возможных выходных. График её работы пляшет по прихоти начальства, а в сезон отпусков — так и подавно. Решив зайти для начала в браузер, она чуть не подпрыгивает на месте, видя последние запросы:

— Как отучить тараканов ползать по крыше?

— Почему ребёнок не ест мух?

— Что если дедушка не торопится возвращаться с того света?

— Какого числа по календарю тимшина упадёт следующий тыквалёт?

— Как надёжнее поставить лицо на место, если оно уплыло в раковину и застряло в сливе, чем его лучше изъять оттуда?

— Что делать, если пешеход посреди перекрёстка сломался? Лучшим решением будет помочь ему при помощи смазки, гаечного ключа или всё же вызвать соответствующую бригаду по починке бесхозных, не подающих признаков движения объектов?

— В какой обстановке паре ног лучше слушать пение за-

стывшего металла? Срочно! Если подскажите, отдам все свои фантики от облепихи и прокачу на жалюзи!

— Что за хрень?! — ругнулась Тоня. — Я этого точно не писала!

Если ещё и ноут накрылся, то это вообще комбо века. Какие нахрен тыквалёты, бесхозные пешеходы, уплывшее лицо? И как это относится к ней? Детей у неё нет. Лицо на месте (ощупывая его холодными ладонями, рассудила девушка). Тараканы здесь не водятся — сети вай-фая выселили их со всего микрорайона. Остальное — так вообще тупейший бред поехавшего на последней извилине в гору.

Нет, всё. Два дня — и в отпуск к родне. Начальник там пусть как хочет, пусть сам на каблуках с планшетом и ручкой бегают.

Коротко глянув на время, Тоня понимает: вот чёрт, я же сейчас опоздаю! Шустро накидывает туфли, дождевик, берёт сумку и пулей вылетает из квартиры, закрыв её на все замки.

В подъезде пусто и уныло. Граффити на стенах, бычки под ногами, выкрученная лампа и мусорные пакеты — как часть этого устойчивого провинциального интерьера. Ноги Тони летят по ступеням, а глаза за ними не успевают. Девушка оступается, на удачу не впилившись носом в пол, а всего лишь отколов каблук и ударившись ногой.

Выругавшись, мчится дальше, спешно вылетая во двор.

Глава 2 Ползущий Тягобус.

В украшенном битыми бутылками, харчками и блевотой дворе стелется, на удивление, не снег, а синеватая масса, больше похожая на мох. Дождь льёт сплошной стеной, невзирая на этот мох, время года и минус десять. Для него десять — просто цифра, а не повод не быть.

Тоня выдыхает, пару раз жмурит глаза. Когда глюк не проходит, она решает всё ж пойти на остановку.

«Так, это просто усталость, — уговаривает она себя. — У меня плывёт в глазах, а в голове гудит. Это не критично. Дорога и дома-то на месте».

Мозг услужливо подсказывает рациональные объяснения, ну а синеватые хлопья под ногами замечать необязательно. Они не мешают мне, я не мешаю им. Резкая боль в ноге отчётливо намекает, что происходящее — не сон, а последствия тяжёлого недосыпа. Значит, надо идти. Работа сама себя не отработает.

Тоня ковыляет к остановке, то и дело мелко вздрагивая от холода и какого-то нового, нарастающего сурового чувства. Делая вынужденные остановки из-за сломанного каблука, она замечает странные надписи на стенах. Странный, угловатый шрифт... Буквы неохотно складываются в её голове в слова, но стоит на секунду отвернуться — и она уже не может вспомнить, что именно видела, что её так удивило и

на какие мысли навело. Странности ускользают. Как будто они хотели, чтобы их прочли, не поняли и тут же забыли, чтобы она запуталась ещё сильнее.

С красными от мороза щеками и больной ногой Тоня добегаёт до остановки. Вид у неё печален. Старая, покосившаяся хибара с какими-то зелёно-фиолетовыми дымчатыми наслоениями и желтовато-бугристой жижей стоит на последнем издыхании, словно мечтая похоронить под собой и Тоню, и стоящих рядом людей.

Вдруг в грязно-сером небе с утробным воем пролетает ржавая махина. Крылья у неё в десять раз меньше пузатого, обшарпанного салона. Рыжая, покрытая налётом окарины, она дико похожа на огромную тыкву с крыльями мухи.

По хмурым лицам людей на остановке расползаются одинаковые, застывшие улыбки.

— Тыквалёт! — кричит утробным, совсем не детским голосом пацан лет семи.

Его мать хищно скалится — видимо, от дикой радости — и резко достаёт из своей сумки большой, увесистый пень. Она с силой швыряет его в небо, целясь в пролетающую махину. В её жесте столько необъяснимости и чистой, концентрированной иррациональности, что остатки материнской платы в мозгу Тони сгорают безвозвратно.

— Отгадай желание... — слышится сбоку хриплый шёпот.

— Хочу восемь пар ушей, — доносится сзади.

Даже откуда-то снизу, из-под льда и синего мха, вырыва-

ется глухое шипение, складывающееся в отчётливые слова:
— Хочу, чтобы Нина отделилась от Антона, а его тень пошла мне на пространство для конуры!..

— Заслужить надо хотечествование. Посредством страдания, — отрезает совсем детский голос, принадлежащий какому-то неестественно высокому существу в плотно натянутом капюшоне.

Тоня в унынии оглядывает толпу и только сейчас понимает: её будущие соседи по автобусу держат в руках тяжёлые цветные отопительные батареи. Они прижимают их к себе, расценивая чугунные секции как обычные сумки для вещей. И как то существо в капюшоне ухитрилось запихать свой пень в батарею? Может, по кускам дров?..

«Стоп. Тоня, хватит, — мысленно приказывает она себе, цепляясь за остатки рассудка. — Не погружайся в шизу. Это просто странный сон или бессонная ночь. Может, это вообще поехавшие сектанты с их странными ритуалами, чтоб ими чёрт отобедал, и ноут мой взломали через какие-нибудь рассылки, вот тебе и странные запросы, которых не было, а всё остальное додумал уставший невыспавшийся мозг. Точно, это их странности, сраные шизики, а я тут ни при чём. Всё будет хорошо. Всё образуется. Не погружайся только в это».

На остановке краской, неровно, с грязными потёками выведено: «Маршрук 5.М.0 Рельс. Длинномячево — Нефтегазово. 5.М.0 Рельс — рельс, 5.М.0 Рельс — 5.М.0 Рельс-рельс

— рельс. Глухоглазово — Длинномячево».

К остановке, натужно пыхтя и опасно пошатываясь из стороны в сторону, наконец подтягивается ржавая посудина. На её боку красуется кривая надпись: «Тягобус», а на лобовом стекле болтается табличка: «Рельс 5.М.0».

Толпа пассажиров единой безликой массой вываливается вперёд, ломаясь к дверям. Этим плотным, пахнущим сыростью потоком внутрь вносит и Тоню — уже абсолютно ничего не понимающую и изрядно замёрзшую.

Со свистом закипающего чайника двери тягобуса захлопываются. Машина трогается и ползёт по маршруту куда-то вперёд, тяжело вихляя ржавой задницей из стороны в сторону. Почему-то пол тягобуса идёт волнами вверх и вниз, он похож на бушующее море, хоть и медленное, неповоротливое, ленивое.

Внутри салона душно. Пахнет формалином, спиртом, старой ржавчиной и почему-то... мамиными духами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.